

## На берегу

### Рассказ

#### 1.

В своё время Пётр Козлов был самым лучшим трактористом в деревне. Висел даже на доске почета в райцентре. В начале девяностых ещё были такие доски. Потом запил. Старший погиб во время первой чеченской, а Петя запил. Всё забросил: и работу, и дом, и даже рыбалку.

Однажды тёплым июльским днём спускался Пётр с косогора к реке и, как ни странно, был почти трезв и, что не менее странно — шёл с рыболовными снастями. Поднявшись на бугорок, он увидел группу детей, несколько женщин и одного мужика, кричавших на берегу. С другого обрывистого склона к берегу бежали двое мужчин. Петя понял, что там что-то неладно и тоже побежал к берегу. Подбегая, за камышами увидел, как два человека отчаянно барахтаются в воде. В этом месте река делала крутой поворот, и вода закручивалась в стремительную воронку. Этот участок пользовался у местных дурной славой: никто там не купался, даже на лодках старались близко не подплывать, а приезжие по незнанию иногда лезли в воду и нередко тонули. Петя бросил удочки с сачком и побежал к берегу, раздеваясь на бегу.

- Ой, пропали, пропали девки, — причитали бабы.

- Сетью, сетью их ловить надо, — подхватывал, размахивая руками Коля-дурачок.

- На лето, к Машке Косой приехали и вот, заплыли...

- Да, они же за венками поплыли.

- Какими венками?

- Да, из цветов, из полевых, наверно.

- И чего?...

- Бросили в реку венки, а венки тонуть стали в водовороте. А они, поди, не захотели, чтоб те тонули...

- Вот, дурёхи-то... Хоть бы, Машка их предупредила.

- Ой, беда-то какая!...

Петр, не раздумывая, кинулся в воду. Быстро, саженками доплыл до водоворота, одну девочку достал уже из-под воды, схватив за волосы, лицом кверху, вторую, которая еще держалась на воде, попытался подхватывать за подмышки, однако спасти двоих одновременно не смог. Оставив одну, поплыл с первой, которую поймал под водой. Не доплывая до отмели, передал девочку двум подоспевшим мужикам, а сам быстрее назад — к водовороту, ко второй тонущей. Крепко обхватив её правой рукой, поплыл с ней к берегу, загребая одной левой, но не доплыл. Течение в том месте было

сильным. Спасаемую он толкнул в сторону берега, где её подхватили мужчины. Что тогда случилось с Петром, никто уже не узнает, - или судорогой ногу свело, или действительно, сильный водоворот не дал выплыть, сбил дыхание и пловец начал хлебать воду. Над водой мелькнули руки, но это видел один Коля-дурачок, все остальные были заняты спасенными девочками. И только когда Коля второй раз во всё горло заорал:

- Петька! Петька-козёл! Петруха бухой — туда, где дурная вода, за бутылкой полез! - мужики взглянули в сторону реки, а Петра на поверхности не было. Они бросились в реку, но вода сносила их ниже водоворота. Один из них случайно скользнул ногой по телу, поднырнул, подхватил. С трудом Петра вытащили на берег, он не дышал. Перевернули, попытались вылить воду из горла. Попытались дышать в рот, потом снова перевернули, подложив утопленнику под живот колена. В конце концов, Петр сделал еле заметный вдох. Кто-то пытался найти пульс. Ещё раз попробовали дышать Петру в рот. Он снова несколько раз вздохнул. Через полчаса прибежала жена — Надя. Она растирала ему грудь, дышала в рот, когда его дыхание замирало. Так он пролежал на земле ещё часа два, пока не приехала санитарная машина из фельдшерского пункта, что в соседней деревне. Фельдшер и шофёр побоялись везти его в больницу, объясняя свой страх тем, что и так не дышит, а если в дороге помрёт, то этого никому не надо. Однако Надежда набросилась на них с криками, и они нехотя погрузили пострадавшего в машину. До ЦРБ соседнего района ехали около полутора часов. В палатах интенсивной терапии мест не было, поэтому, вначале Петра положили в хирургию, там он пролежал два дня, но так как травм не нашли, перевели в неврологию. Пётр лежал тихо, дышал чуть слышно и ни с кем, ни как не контактировал. На голос жены и врачей он не откликался, на иголки и молоточки, которыми тыкали и обстукивали его врачи, почти не реагировал. Надя всё время была с ним. В больнице он пробыл ещё две недели. Вначале пытались ставить капельницы, но видя, что толку мало за неделю до выписки — всё отменили. Надежда начинала осваивать новую, доселе неведомую ей профессию сиделки. Она училась кормить с ложечки, поить через трубочку, так, чтобы не попёрхивался, помогать справлять нужду, перестилать, подмывать. Хорошо, что дочка Люба выросла с руками, да соседка Маша помогала ей по хозяйству, пока она была в больнице. При выписке Надежде объявили, что Пётр останется таким же беспомощным и лежачим на всю жизнь. Сказали, что он овощ и будет овощем, сколько его не ублажай, тем более что до последнего времени он крепко пил. Сосед на грузовике помог ей привезти Петра домой. Работу на почте Надежде пришлось оставить. Только Петя и хозяйство. Каждый день она крутилась, как белка в колесе: огород, свиньи, куры, утки, кухня, стирка, глажка и, конечно, Петя... Втянулась. Незаметно пролетела неделя, вторая, а Петя лежал, действительно, как овощ, - так, как назвал его при выписке пожилой врач. Однажды, Маша, помогавшая ей с последней прополкой, заметила, что Пётр должен поправиться.

- Здоровый мужик-то был! Надо только всё попробовать, - настаивала она. - Вот, в больнице сказали, что таким и будет до конца, а если они врут, эти доктора? - Маша тогда напомнила ей, о знахарке Вере, жившей в соседней деревне, которая приходилась Петру дальней родственницей.

## 2.

В тот же вечер Надежда сходила за знахаркой. Привела бабушку Веру к Петру. Та не спеша, долго осматривала его: разглядывала ладони рук, уши, всматривалась в глаза, пыталась разговорить, но безуспешно. В конце осмотра Вера сказала, что нужно попробовать лечить. Обещала прийти через три дня. Как и говорила, она пришла через три дня, в тоже время — вечером, принесла несколько больших и малых банок со снадобьем. Вера попросила дочь выйти из дома, заняться хозяйством. Потом заставила Надежду посадить Петра на кровати, подложив под спину подушки. Вера достала из своего небольшого потёртого мешка иконку, поставила её на стол. Потом она попросила два блюдца, вынула ещё две свечи, зажгла их и поставила в блюдца около иконы, прочитала, крестясь, вполголоса молитву. Затем знахарка налила в ковшик тёмной жидкости, пахнувшей травами, потом открыла вторую банку с настойкой, из которой резко пахнуло спиртом и мятой, добавила в ковш. Достала из кармана почерневшую от трав деревянную ложку, завернутую в белую тряпицу. Начала мешать по часовой стрелке, приговаривая:

- Вот, кружит, кружит кругОм, крУгом вода... Вода, вода, водоводоворот – Надежда, сидевшая всё это время рядом, вздрогнула, а Пётр поднял на знахарку глаза, когда та уже еле слышно продолжала:

– Водоворот приоткроет Петру рот, вот... Вот... - а дальше бормотанье походило больше на молитву. Иногда, слышалось: Пресвятая Дева, прости, сохрани и помилуй раба Божьего... - Так продолжалось минут десять, пока бабушка мешала своё снадобье. Потом она заставила больного выпить всё разом. Он выпил с трудом, часто попёрхиваясь, а через несколько минут его начало рвать. Петра выворачивало наизнанку. Вырвало всё, чем Надя кормила в обед, потом начало рвать желчью.

- Эх... От... От... От...- Пётр впервые за месяц издал бессвязные звуки, похожие больше на икание. Надежда ойкнула, а Вера, поглаживая его ласково по голове, тихо приговаривала:

- Ничего, ничего, потерпи, касатик. Всем нам терпеть на этом свете надобно... Бог даст, и разговоришься, и окрепнешь... - Больше часа Пётр промучился с тошнотой, потом заснул. Вера рассказала Надежде, что и как принимать, а та всё аккуратно записала в тетрадку. В конце Надежда осторожно спросила:

- Ну, как он? Полегчает ему?

- Полегчает... - на выдохе сказала Вера и взяла обе Надины ладони себе в руки, стала внимательно рассматривать.- Всем полегчает... Всем нам полегчает — пришептывала знахарка, разглядывая линии на ладонях Нади.

- Да, Надежда, - продолжала она, - надежда была, надежда есть и надежда будет. И пока будет надежда, пока будет вера — будем живы. И всё будет, но всё, ты знаешь, что всё... Всё-всё в этом мире временно... - продолжала старая знахарка. - И я не знаю, будешь ли ты мне благодарна, если...

- Если, что? - Надя резко выдернула свои кисти из её рук. - Что-то не так? Баба Вера, ты что? Чувствуешь будущее?

- А кто ж, его не чувствует?...

- Ну, я вот, нет. Ну, как я могла знать, что с ним такое случится, знала б, - не пустила бы...

- Так ведь Пётр твой доброе дело сделал. Двух девочек спас.

- Да, спас-то он, спас, а сам ведь, вот... - в это время в избу заглянула Люба, втянула носом странные запахи, которые гуляли в доме, посмотрела на мирно спящего отца и мать, беседующую с бабкой. Хотела что-то спросить:

- Мам, а там... - но мать цыкнула на неё, и она прошмыгнула в свою комнату.

- Так, он поправится, Петя мой? - вновь тихо спросила Надежда.

- А куда он денется? Только не скоро...

- А врачи сказали, что он до конца так и будет таким, вот... Овощем его ещё назвали.

- Сами они овощи... Зелёные только...

- Тогда почему ты сказала, что... Что... Если он выздоровеет, то это... То я не буду тебе благодарна?...

- Надя, девочка! Поправится твой Петя, если всё сделаете, как надо... А как жива буду, так зимой или по весне как-нибудь дойду до вас, посмотреть, как твой Петя работает...

- Как так? Он что, работать будет?!— воскликнула Надя, - и что значит если?..

- А так... Не одним ведь хлебом живём и не одной травой лечимся. Ни одна трава так не помогает, как... - Знахарка посмотрела на икону и перекрестилась. Потом она полезла в свой мешочек, достала из него старый потрёпанный молитвослов и начала подробно рассказывать Надежде, когда и как читать какую молитву. Много, о чём говорила Вера, было для Надежды впервые. В детстве, верующих в её семье не было, действующих храмов в округе тоже не было, поэтому ей снова пришлось записывать. Свечи давно догорели, Вера прочитала молитву и зажгла новые.

- Баба, Вера, - спросила в конце беседы Надя, - ну, за что нам такое наказание? То Ваня погиб, то Петя... И ведь они почти в один день! Сын шестого, а Петя – седьмого июля... За что? – простонала она.

- Один Бог знает за что сейчас и за что потом... Седьмого июля, говоришь? – переспросила Вера.

- Ну, да. Петя седьмого того месяца тонул, а что?

- Да... Давно это было...

- А что, что было-то?

- Что было? – Вера внимательно посмотрела Наде в глаза. - А было то в революцию, или сразу после неё... Матвей... Прадед нашего Петра по отцовской линии. Я ведь Петру родня по материнской. А тот, прадед его, был каким-то красным командиром. Жестокий говорили, человек был. С кулаками всё боролся, с подкулачниками, семью бросил. Потом к поповне начал приставать. Батюшку после его доносов вскоре на Север сослали. А он всё приставал, да приставал к поповне. Потом матушка сгорела в своем доме вместе с детьми. А случилось это в ночь на Ивана Купалу. Сказывали, что это Матвея рук дело было, только следствия никакого не было. Потом и церковь сгорела, тоже говорили, что это его работа. Вскоре Матвей исчез. Никто о нём больше ничего и не слыхивал, только после этого стали с некоторыми сельчанами, которые были родней этому Матвею, случаться всякие неприятности и именно на день Ивана Купалы. Вот и с твоими мужичками в канун этого дня беда приключилась.

- Страшное ты что-то наговорила, бабушка Вера. – Глубоко вздохнув, сказала Надя.

- Ну, не страшней, чем было, то я и наговорила... Не я ведь такой водоворот судеб людских придумала. Это они сами... Да, ты не убивайся. Главное делай, как я советую. И обязательно сходите вместе с Петей к батюшке – исповедоваться. Праздники чтите, посты соблюдайте. Храм конечно далеко, но надо чаще в храм ходить.

- А как ходить, если он такой?...

- Будет твой Петя и ходить, и работать, и многое чего будет, если всё сделаете, как я советую.

- А ты правду говоришь, баба Вера?

- Правду только Бог знает! Да, ты не серчай, если чего лишнего наговорила. Ты ведь сама хотела, чтоб я помогла, потом ты спрашивала, а я, как знала, как могла, так и... - Вера подняла на Надежду свои старческие прищуренные глаза и резко повернулась к окну — Окось, тьма-то как набегаёт... Да, вокруг тьма... Смотри, тьма-то какая...

- Бабушка Вера, да, я провожу тебя!...

- Говорят и вокруг Земли тьма, и в этом, в Космосе, тоже тьма... И людей тьма, и в людях тьма, и мне туда пора... И только Бог - свет...

### 3.

Полгода Пётр лечился травными настоями. Жена и дочь не отходили от него. К началу осени он начал связно и осмысленно разговаривать, к началу зимы начал самостоятельно ходить, пробовал шутить. О водке не вспоминал.

По началу, когда Петя был слаб, Надежда старалась регулярно читать дома молитвы, акафисты. Несколько раз ходила в церковь, купила там Псалтырь, иконы, лампадку. После того, как Пётр начал самостоятельно ходить, они вместе были в храме. Спрашивали даже у батюшки совета по поводу венчания. Накануне Рождества бабушка Вера внезапно умерла. Пётр с женой были на её похоронах. После этого, с января, начал он заниматься домашними делами: то не закрывающиеся двери отремонтирует, то полезет на сарай и займется дырявой кровлей. К весне восстановил водительские права. Устроился в ближайшем посёлке, в фирме на грузовичке. Надежда с опаской смотрела на появившиеся в его руках деньги. Однако муж о спиртном ничего не говорил и не намекал, шумные компании друзей обходил стороной. Уговорил купить тёлочку. Хозяйство увеличивалось, а с ним росли повседневные заботы и хлопоты. Свободного времени у Нади совсем не оставалось. В церковь, что в десяти километрах, ходить и ездить было уже некогда. Иногда она с сожаленьем замечала, что в суете забывает читать дома молитвы. Да, и Пётр на её религиозность стал смотреть искоса, а изредка он по-настоящему злился.

Через полтора года, неожиданно для всех, у Петра с Надеждой родился сын. Назвали его в честь погибшего первенца Иваном. Люба уехала в областной центр, поступила в сельхозинститут. Она была безумно рада за своих немолодых родителей, хотела было остаться помогать матери, но мать с отцом решили, что учеба важнее и уговорили её не бросать институт. Пётр купил в кредит маленький тракторок — вернулся к своей прежней работе. Прошел ещё один год, и ровно через три года, день в день, точно в том же месте, Пётр утонул. На берегу, напротив водоворота, остались только удочка, сачок, одежда.